

не придавалъ значенія рѣчамъ Поля де-Кассаньяка, у котораго голосъ звучить какъ труба. Авторъ предостерегаетъ также отъ увлеченія людьми слишкомъ умными, съ пылкою фантазіею. «Читайте поэтовъ и хорошихъ писателей, воздвигайте имъ статуи, но не поручайте имъ управленіе публичными дѣлами, ибо обыкновенно они не умѣютъ справляться съ своими собственными. Говорятъ, что глупцы дѣлаютъ карьеру, а гениальные люди разоряются. Это потому, что первые, карабкаясь по землѣ, замѣчаютъ препятствія и обходятъ ихъ, тогда какъ вторые, направляя взоры къ облакамъ, спотыкаются обо всякіе камни и попадаютъ во всякія пропасти. Еще Фридрихъ II говорилъ, что еслибы онъ хотѣлъ разорить какую-либо провинцію, онъ отдалъ-бы ее въ управленіе философу. Литераторъ заботится больше объ эффектѣ, чѣмъ объ истинѣ; онъ не станетъ думать о точности числа; чтобы сказать много, онъ скажетъ «тысяча» или «милліонъ». Онъ напишетъ, что Франція отвѣтитъ врагу единодушнымъ порывомъ сорока милліоновъ сердецъ; быть можетъ, онъ самъ этому повѣритъ или заставитъ вѣрить другихъ. Сколько зла надѣлала въ 1793 году ложная реторика того времени! Сколько крови пролилось во имя красивыхъ фразъ, заимствованныхъ у Руссо или Плутарха!» Разумѣется, бываютъ случаи, когда красивыя фразы имѣютъ красивое и глубокое содержаніе.

Призывать весь народъ къ подачѣ голосовъ, безъ всякихъ различій, безъ условій и ограниченій,—было грубою ошибкою, по мнѣнію Лавеле. «Страшно подумать, изъ какой тьмы предрассудковъ, суевѣрій, увлеченій и невѣжества выходитъ тотъ вердиктъ, который періодически рѣшаетъ судьбу такой державы, какъ Франція. Народъ понимаетъ власть только въ лицѣ одного опредѣленнаго правителя; для него безличная власть разсуждающей палаты есть только тѣнь. Довѣрьте народу выборъ, и онъ назначитъ принца или генерала, который сдѣлается королемъ, когда захочетъ». Замѣтимъ, что авторъ писалъ это еще до утвержденія французской конституціи 25 февраля 1875 года. Онъ энергически нападаетъ, между прочимъ, на чрезмѣрную склонность французовъ къ сосредоточенію власти въ центральныхъ рукахъ. «Безъ провинціальныхъ вольностей, парламентскій режимъ имѣетъ только наружный видъ свободы; въ сущности это деспотизмъ, направляемый представительнымъ собраніемъ. Мѣстное самоуправленіе есть необходимая принадлежность парламентскаго режима. Обремененный массою дѣлъ чисто-мѣстнаго значенія, парламентъ плохо рѣшаетъ ихъ; домогательства депутатовъ, противоположность ин-